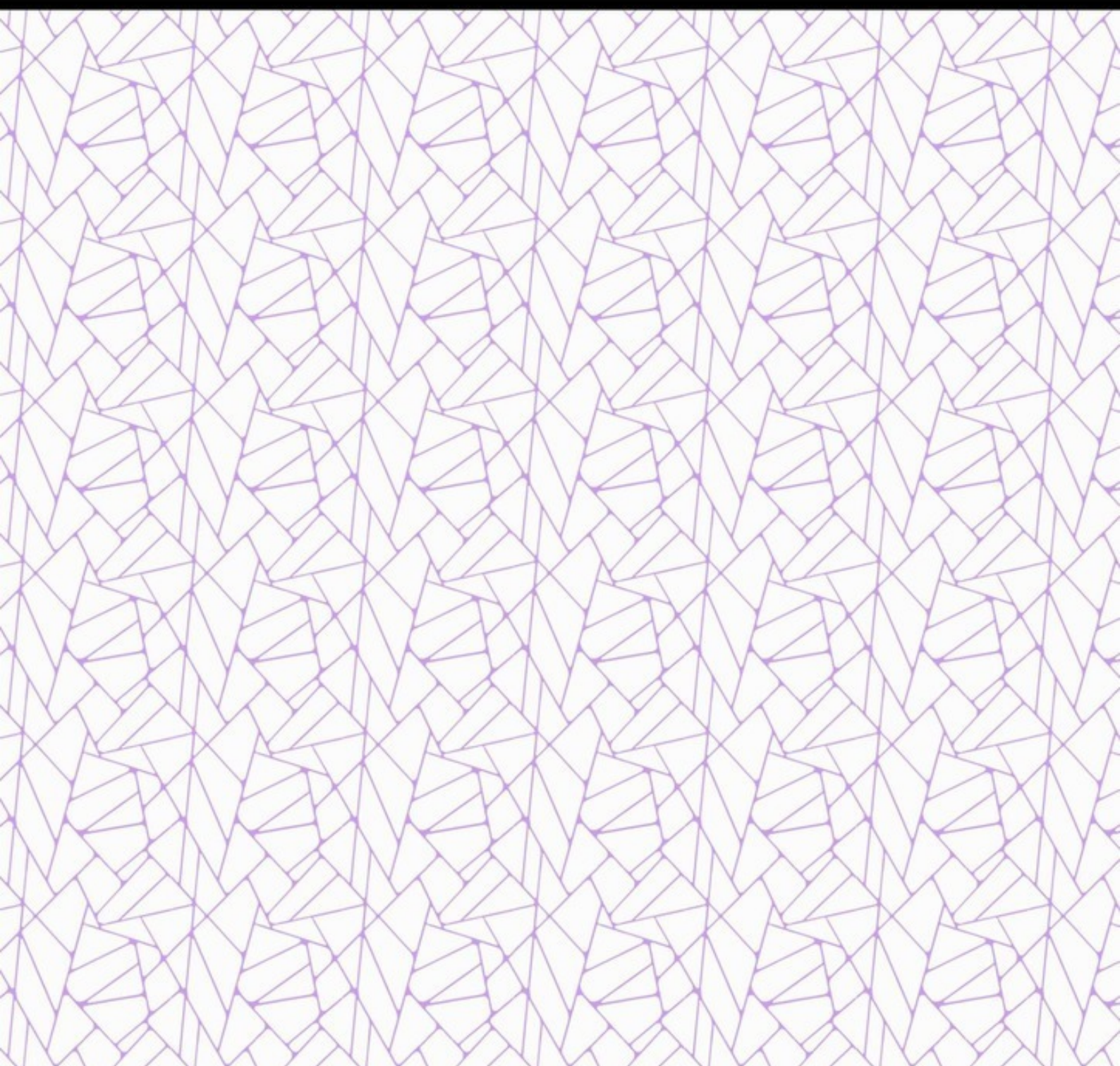

МАКСИМ КАПИТАНОВСКИЙ

Всё очень непросто

Максим Капитановский

Всё очень непросто

«Издательские решения»

Капитановский М.

Всё очень непросто / М. Капитановский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938066-1

Эта книга о рок-музыкантах двадцатого столетия. Веселые и смешные истории с участием автора. Также много смешных историй с очень известными музыкантами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938066-1

© Капитановский М.
© Издательские решения

Содержание

ВСЕ ОЧЕНЬ НЕПРОСТО	6
Максим Капитановский	7
Школа выживания	8
АКТ об испытании цепей	17
ГОСТ ЦМ-21/324	18
Пшикер	24
Zagranitsa	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Всё очень непросто

Максим Капитановский

© Максим Капитановский, 2018

ISBN 978-5-4493-8066-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСЕ ОЧЕНЬ НЕПРОСТО

Максим Капитановский

Макса Капитановского мы узнали в 1972 году, когда вдруг из великолепного, гремящего на всю Москву «Второго дыхания» он переместился вместе со своими барабанами в юную, зеленую и неумелую еще «Машину». Дела у нас пошли в гору, однако счастье было недолгим: не проиграв и года, загудел Максим в Советскую армию, да еще прямо на горячую советско-китайскую границу.

Мы надолго расстались. Вернувшись со службы, Максим не сразу догнал «Машину», а сначала прошел сквозь строй советских ВИА «Добры молодцы», «Лейся песня» и уже с ними. А спустя годы все же вернулся к нам – правда, уже в качестве звукорежиссера. Кем и пребывает по сей день.

У Макса масса разнообразных достоинств. Одно из них – он великолепный рассказчик. Согласитесь, редко бывает, когда в компании просят: «Макс, расскажи про то-то и то-то», – отлично зная саму историю, но не в силах побороть искушение послушать ее еще раз.

Я понимаю, конечно, что рассказ рассказанный и рассказ, изложенный на бумаге, – совершенно разные вещи. Но мне кажется, что Максовы истории могут свободно жить и в той, и в другой ипостаси. Не надо ждать от этой книги протокольного изложения событий. И если автор то и дело приподнимается над тусклым уровнем бытовой действительности – он имеет право на этот полет.

*Сильная все-таки вещь – литература.
Андрей Макаревич*

Школа выживания

*Наша доблесть заключается не в том, чтобы не падать, а в том,
чтобы подниматься после каждого падения!*
(Конфуций)

Вот вы поёте и играете, а работаете вы где?
(записка из зала)

Рокнролл – это образ жизни!
(маркиз де Сад и Максим Капитановский)

Нет, нет, нет, человеку, который никогда не бывал на гастролях, невозможно понять, что это такое. Представьте себе, что половину времени вы проводите вне дома, то есть должны как-то питаться, сохранять здоровье (зимой часто без горячей воды) и, наконец, по возможности хорошо выглядеть, порою в самых антисанитарных условиях.

О личной жизни, разбитых семьях говорить пока не будем. В конце концов, такую жизнь мы сами себе выбираем. Но вот о сложных социальных отношениях: гастролирующий артист – окружающая среда (гостиницы, поезда, самолеты) можно рассказать немало интересного.

Я постараюсь познакомить вас с некоторыми секретами и маленькими хитростями школы выживания в экстремальных гастрольных условиях. Секретами, наработанными десятилетиями концертных командировок по самым отдаленным местам. Но хочу предупредить: **НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ** не читайте раньше времени главу на странице **74** во избежание самых **непредсказуемых последствий**.

С возникновением групп и выходом их на профессиональную сцену у подавляющего большинства людей (и не только работников сервиса) создался эдакий стереотип гастролирующего музыканта: длинноволосый (а в просторечии – нестриженный), одетый в заграничное, непременно пьяный, гребущий деньги лопатой хамоватый ухарь, живущий для того, чтобы портить нервы нежным проводницам купейных вагонов и дежурным администраторам переполненных гостиниц.

Дело в том, что обычный командировочный или приехавший на отдых человек, прекрасно знающий, как трудно с билетами, гостиницами и т.д., считает за счастье и третью полку в плацкарте, и койку в коридоре. Его можно разбудить шваброй, и на белье мокрое положить, и прикрикнуть, а вот зарвавшиеся артисты, катающиеся по стране по десятку и более лет, иногда начинают робко понимать, что и у пассажира, и у «гостя» (так называют в гостиничном сервисе своих горемык-проживающих) тоже есть свои, определенные конституцией и разумом права.

Вот тогда-то и получаешь на свои сногсшибательные претензии насчет горячей воды в январе или по поводу отсутствия известных сантехнических приспособлений (удобства во дворе) интересный ответ: «Шибко умный». Надо думать, в ироническом смысле.

«Шибко умный» – это еще хорошо. Саша Буйнов, путешествуя однажды летом в поезде на гастролях, обратился к проводнице с просьбой открыть окно в купе. Было страшно жарко, а вентиляция как всегда не работала. Проводница – неопрятная баба с хохлятским акцентом – заржала и отказала в грубой форме. Когда же интеллигентный Александр задал робкий вопрос, для кого все-таки придуманы форточки в купе, баба повела себя неадекватно. Она присела, борзо повела плечами, выкинула два гопаковых коленца и продекламировала: «Для те-бе, для пез-де!»

Братья гастрوليрующие артисты! Кто из вас после позднего концерта, а то и длительного переезда не просыпался в 7.30, как в страшном сне, от присутствия в вашем номере тетки в синем халате и двух огромных мордатых дядек, непонятно как прошедших через закрытую дверь и деловито осуществляющих какую-то таинственную работу. И лучшее, на что вы можете рассчитывать в этой ситуации, это реплика, длиною в девятнадцать сантиметров (на бумаге), «лежичегодергаешсячтоямужиковневидалаголыхнакурилтокак». И уж в самом крайнем случае, в припадке необъяснимого человеколюбия, кто-нибудь из мужиков может буркнуть: «Инвентаризация» или «Тараканов морим».

Вот так, просто и изящно: «Тараканов морим», – и довольные артисты отправляются в гостиничный буфет.

Итак, чем больше вы ездите на гастроли, тем делаетесь опытной и хитрее – вас уже на козе не объедешь и голыми руками не возьмешь.

И вот, въезжая в гостиничный номер, вы, сбивая дежурную с ног, бросаетесь к телефону (если он есть) на предмет тайной трещины, затем к телевизору (если он есть) работает ли? Отворачиваете штору на окне (если она и оно есть) в поисках абстракционистского черного пятна (оно почти наверняка есть) и, наконец, торжествуя показываете дежурной отбитый край хрустальной вазы, заботливо замаскированной под целую.

И упаси вас бог прохлопать один из этих пунктов, тогда при выезде, во время сдачи номера (есть такая милая трупоедская процедура), вам предъявят и неработающий телевизор, и треснутый телефон, и испачканную штору, и испорченную вазу; вы будете оштрафованы в ужасающе-кратном размере и под гиканье и улюлюканье персонала пойдете вон...

Но это, конечно, фантазии, не забывайте: мы опытные и хитрые, мы все проверили; и уже хочется вытащить на свет пословицу, что, мол, на каждую гостиничную старуху есть своя артистическая проруха, как в последнюю секунду выясняется, что по каким-то своим вафельным делам отсутствует полотенце (только что было тут), и вы, опытный и хитрый, покрывшись стыдливым мужским румянцем (нехорошо красть вафельные полотенца), платите деньги и, сидя в автобусе, стараетесь не смотреть на стройные ряды персонала, который, печатая шаг, проходит под вашим окном с плакатами «Не на тех наварлся!».

Мне лично с гостиницами всегда очень везло. Постоянно попадался номер напротив специальной комнаты, где горничные и дежурные по этажу держат свои таинственные коммунально-бытовые атрибуты и где вообще находится их штаб-квартира. Как это хорошо и полезно все время находиться в самой гуще их личной жизни и интимных подробностей, находиться, так сказать, на самом острие пищевых, мыльно-порошковых и тряпочных интересов.

И как близко к сердцу все принимаешь. В прошлом году я в течение нескольких часов с трепетом следил за развитием леденящей кровь драмы с похищением половой тряпки, и, когда добро восторжествовало, а зло было если не наказано, то осуждено, слепая недетская радость переполнила все мое существо – какие уж тут могут быть концерты.

Побывав несколько раз за границей и увидев, как у них решаются вопросы тишины в гостиницах (при помощи специальных табличек «Просьба не беспокоить»), я однажды решил (за отсутствием фирменных) написать собственное обращение. Долго корпел вечером, и вот что получилось: «Дорогие товарищи дежурные! Ваши гости устали после концерта. Убедительная просьба утром не орать или орать потише. Спасибо». «Спасибо» – это я позже приписал для пафоса.

Вы бывали когда-нибудь на шабаше ведьм? Нет? Может быть, вы участвовали в драке пьяных жестянщиков с пьяными жестянщиками же? Примерно от таких звуков проснулся я на следующее утро. За дверью грохотало, ухало, дикий хохот, безумные вопли несколько нарушали тишину. В дверь стучали швабры, плюхались тряпки, и кто-то очень ритмично (нельзя не отметить) молотил по замку пустым ведром. Наконец, из-под двери по сквознячку разлетелось по номеру кусочков сто моего не удавшегося опыта наглядной агитации.

До пересменки из номера не выходил: боялся.

Однажды на концерте пришла записка: «Это правда, что артисты только и делают, что пьют?» Вашими бы устами, господа зрители, да мед пить – к сожалению, артисты еще и едят.

А как удачно решаются на гастролях вопросы с питанием! Вы утром, чисто побрившись и одевшись по-выходному, приступаете к ожиданию обеда. На суточные в 2 р. 65 к. позавтракать и поужинать невозможно, а вот позволить себе обед из первого, второго и, чем черт не шутит, может быть, и третьего никто вам не запретит. Поэтому обед – это событие, которое обставляется, по возможности, пышно, и вот вы, пригласив для компании (какой же обед в одиночку?) приятеля (естественно, из той же «Машины времени»), гремя всеми суточными, входите в гостиничный ресторан.

Сначала вас сбивает с ног, но не лишает аппетита устрашающий транспарант «Берегите хлеб – в нем соль земли и пот хлебороба!». Гигантским усилием воли вы не даете себе расслабиться (в крайнем случае даете друг другу слово не есть хлеб вообще) и усаживаетесь за один из прекрасно сервированных вилками и ложками (ножи крадут) столов. По непонятной оплошности официанта здесь же оказывается и меню. Какие широкие, в пределах суточных, конечно, горизонты открываются перед вами. Вот рубрика «Полакомьтесь», вот «Разрежьте нам предложить», а вот «Если вам позволяет здоровье» (но не суточные). Если вы давно не были в цирке, то можно заказать неизвестно как сюда затесавшуюся брюссельскую капусту, а если вы последний день в городе и прилично знаете каратэ, то яйцо всмятку – блюдо, которое оказалось в меню не иначе, как по разгильдяйству типографского мальчика – явлению, видимо, достаточно распространенному, так как давало мне возможность раз шесть в разных городах заказывать этот редкий деликатес. Я думаю, простительно – в жизни так мало радостей.

Происходило следующее: сначала официантка переспрашивала, потом обижалась, затем из кухни по очереди выглядывали всякие изумленные рожи, и официанты начинали бычиться по углам (но мы-то, опытные и хитрые, последний день в городе и знаем каратэ), наконец, после кофе приносили (а чаще вообще не приносили) сырое, или тухлое (насмешка), или крутое (как директор ресторана) яйцо. Яйца всмятку отведать так и не удалось, видимо, кроме моей мамы и меня самого варить их никто не умеет, и горькими слезами по яйцам всмятку плакала «Красная книга СССР», а теперь СНГ.

Со временем это развлечение стало приедаться (каламбур), тем более что в общепите стали удивляться по поводу яйца все меньше и меньше. Наверное, ресторанички разных городов обмениваются на своих тайных слетах необходимой информацией о своих ошибках, и, действительно, положение выправляется, видимо, создана специальная цензура (последние полтора года пресловутое яйцо в меню не попадалось), и со временем этот недостаток будет изжит общепитом навсегда, как, впрочем, и само блюдо. Но надо отдать им должное – машину из сумасшедшего дома они ни разу не вызывали. А мы-то по-прежнему в ресторане, и поведать эту сумрачную историю про яйцо дало возможность полное отсутствие официантов и вообще кого-либо. Наверняка подглядывают, выжидают, чтоб меню получше изучили, а потом так и бросятся.

Точно. Вот на всех парах, как «Ермак» на помощь «Красину», летит официантка, и только состояние крайней эйфории и общей благожелательности не дает мне возможности сразу констатировать, что для официантки золотых перстней и зубов вроде бы многовато. Вот так номер – да это ж метрдотель! – «Вы что?! У нас же румыны!!!»

Я вообще-то всегда знал, что наши люди, а особенно артисты, хуже румын, но чтоб настолько...

В общем, со всем написанным может столкнуться любой человек, просто артисты много ездят, то бишь гастрوليруют, поэтому видят немного резче и слышат немного громче.

С годами гастрелей становишься мудрее (и опытнее, и хитрее), начинаешь понимать, что все они хотят тебе добра, только не у всех получается.

Хочет добра администрация гостиниц (чаще всего многоэтажных), когда в 20 часов выключает лифт, а концерт сплошь и рядом заканчивается позже; а в одном городе пошли еще дальше: выключают не только лифты, но и вообще электроэнергию. А чего, экономия и «гости» вовремя засыпают.

Хочет добра проводница, запирающая туалет, стюардесса, не дающая пить, и единственная возможность выбраться без потерь из этой бездны доброжелательства – это стать как можно более известным артистом, чтобы тебя все узнавали (тут отношение несколько меняется). Вот по каким причинам «Машина времени» стала популярной и часто показываемой по ТВ группой. А вы думали почему?! Нужда заставила.

А за кого только ни держит администрация гостиниц своих «гостей» в разных городах. Я сознательно не называю названий, чтобы не обидеть невинных людей, хотя о городах можно и прозрачно намекнуть.

Так, например, в одной столице (солнечной Татарии) в гостиничных номерах висит интересный документ: «Руководство по пользованию телефоном», – где сначала написано, что телефон предназначен для слуховой связи двух абонентов, для чего нужно левой рукой (если вы правша) снять трубку, убедившись, что есть гудок, указательный палец (а почему не мизинец?) вставить в специальное отверстие на специальном круглом (вы видели квадратный?) диске, плавными круговыми движениями... и т. д. Я понимаю, учили бы компьютером пользоваться...

В другом городе-герое – городе самоваров, пряников и оружейников – в общем, кто еще не понял, то в Туле, в гостинице правила поведения проживающих при пожаре и в мирное время, не мудрствуя лукаво, были озаглавлены: «Памятка для проживающих в гостинице людей».

Единственное, что утешало, так это то, что гостиница была цирковая, а значит, должна была существовать и «Памятка для проживающих в гостинице зверей».

А вот еще одна выдержка из правил для людей: «...В случае пожара (!) тепло оденьтесь, выйдите на балкон (!), закройте за собой дверь, затем жестами постарайтесь привлечь внимание пожарных и спокойно вызывайте о помощи».

Я так и вижу составителя этих инструкций, тепло одетого, на балконе, тихо и проникновенно вызывающего: «Товарищи, помогите».

Гастрольная жизнь несколько напоминает фронтовую, поэтому не обойтись без солдатской смекалки. Кто, как не артист, может вымыться в стакане, в два счета побриться с холодной водой без мыла и в темноте, кто способен в считанные минуты из куска проволоки, двух спичек и лезвия изготовить качественный кипятильник и кто, наконец, обычным феном ухитряется сушить носки, гладить брюки, греть, лежа с ним в обнимку, свою одинокую постель и даже сушить волосы.

В чемодане у музыканта можно найти самые неожиданные предметы: моток изоляции – заклеивать окна в номере, когда сквозь щели с палец шириной рвется к вам под одеяло ледяной ветер; непременно отвертка для отключения громкоговорителя, который с садистским сладострастием раздражается в 6 утра громовым гимном; нож на все случаи жизни, но в основном для отгибания металлических уголков у зеркала, дабы его перенести (как известно, зеркала в номерах непостижимым образом находятся на максимальном удалении от электрической розетки), в противном случае бриться и сушить голову приходится наизусть; рулон туалетной бумаги, который используется для перевязок, служит салфетками, утеплителем, затычкой в ванне или раковине, а иногда даже используется по своему прямому назначению.

Если покопаться, можно найти старую батарейку, палочки для добывания огня, кусок железнодорожного сахара, портативный стакан, иностранный паспорт и другие приятные и нужные в обиходе предметы.

Итак, вы при помощи различных ухищрений превратили стандартный номер в пятизвездочный люкс. Но самое главное – это при выезде не забыть произвести полный демонтаж всех приспособлений, потому что любое действие, направленное на выживание в экстремальных условиях, рассматривается администрацией гостиницы как коварное преступление, сравнимое по тяжести лишь с кражей полотенца.

Упаси вас боже пригласить вечером в гости понравившуюся девушку. Бесполезно объяснять дежурной, что вы хотите поговорить о музыке или поэзии, бесполезно передавать девушке свой ключ или визитную карточку: во многих гостиницах не поленились отпечатать женский вариант визитки, отличный от мужского. Вся нравственность, накопленная за 75 лет нашей непорочной жизни, встает непреодолимой преградой.

Выручает, опять же, смекалка. Для провода гостей существует несколько способов. Все они почему-то носят имена героев войны и пионеров.

Самое простое, конечно, – это дать денег, но их часто под рукой не бывает, тут-то и появляется возможность блеснуть мастерством с привлечением героико-пионерских хитростей.

Подробнее об этом потрясающем ноу-хау вы прочитаете во второй половине книги, а сейчас не будем отвлекаться.

Скажу только, что все эти ужасные строгости по поводу девушек почему-то на лиц кавказской национальности, которых в любой гостинице половина, не распространяются. Видимо, мы хуже не только румын, но и всех остальных тоже.

Отдельная песня – это швейцары. Как правило, это бывшие военные, причем не маленьких чинов, так что они инстинктивно ненавидят любого гражданина с прической более 2 сантиметров.

Недавно в городе Бресте нас днем швейцар долго не пускал в вокзальный ресторан.

– Снимите куртки, – говорит. А гардероб не работает, а в куртках деньги, документы и т. д.

Наш директор объясняет, что «Машина времени», что час до поезда и т. д.

– Та яка така «Машина часу» – не положено и все!

В то же самое время Макаревича, Кутикова и других окружили любители автографов – с трудом отбивались.

Швейцар смотрел, смотрел, наконец говорит:

– Я не знаю, но вижу, народ вроде вас уважает, а против народа мы никуда. Идите в куртках.

Не стоит говорить, что в зале ресторана, когда мы зашли, половина посетителей сидела в пальто и в шапках.

Да, со швейцарами шутки плохи.

Однажды зимой, после выездного концерта, мы возвращались в гостиницу около двух часов ночи. Декабрь, и очень холодно, но автобус теплый (не знаю уж, что у них там разладилось), поэтому большинство поехало налегке. Высаживают нас у гостиницы, где мы живем уже три дня, автобус уезжает. Стуча зубами, летим к закрытым стеклянным дверям с надписью «Мест нет». Вестибюль полутемный, никого нет. Молотим по стеклу, кто ключами, кто так, кулачищем. Наконец, в дальнем конце намечается какое-то движение, с раскладушки поднимается фигура и, медленно шаркая, направляется к нам. Не доходя метров пять, швейцар головой и бровями вопрошает: чего, мол, надо? А мы уж друг друга отталкиваем, чтобы первым в тепло вскочить.

Тут Петька Подгородецкий со своим французским грассе спрашивает:

– А что, отец, номега есть?

Тот показывает на табличку и руками и спиной делает отрицательные жесты, неспешно удаляясь к раскладушке.

Ну, ткнули Петьку пару раз в бок, кричим, ключи показываем. Швейцар издали, с раскладушки, только руки скрещивает и головой мотает.

Минут двадцать пять «дрожжи продавали».

Конечно, сейчас кое-что изменилось, но осталась постоянная боязнь закурить в коридоре или забыть визитную карточку в номере. Все это настолько въелось в кожу, что сохраняется даже за границей.

Так, например, после долгих ожиданий и отказов «Машина времени» приехала в США. На шестой или седьмой день приводят нас в дискотеку. Первое, что удивило, – это великолепные музыканты, днем записывающиеся на студиях с различными суперизвестными певцами и группами, а вечером уже распягающиеся в дискотечном угаре. Второе удивление – это контингент: возрастной разброс от 18 до 60 лет. Лихие бабушки в коротких юбках отплясывали с юнцами западные обезьяньи танцы.

Я стою, прижавшись к стенке, всего трясет. Во-первых, от того, что я в Лос-Анджелесе; во-вторых, что вокруг никаких руководителей тургрупп – полная свобода. Но на всякий случай опасаюсь провокаций – после стольких собеседований и инструктажей боязнь непременных провокаций очень скоро выветрилась.

Все кругом курят. Я тоже курю – сигареты «Родопи», привез с родины, чтобы не тратить валюту. Очень нервничаю. Тут подходит один плечистый в черной водолазке, уши прижатые, нос приплюснутый, и берет под локоть явно с провокационными целями.

– Ты что, не знаешь, что здесь нельзя курить марихуану?

Я – в шоке, так как меня приняли за настоящего американца, а также оттого, что я сразу понял, что он мне сказал.

Начинаю бормотать, пачку показывать, даже затянуться дал. Уж не стал объяснять, что сигареты болгарские: он и страны-то такой, наверное, не знает. «Рашен», – и всё тут.

Затянулся пару раз бедняга.

– Сорри, – говорит.

.....

В борьбе с сервисом крепили и набирались сил могучая советская эстрада и рок-музыка. С годами научились обращаться и с поездами, и с гостиницами, и с самолетами, и даже с пароходами.

Много раз приходилось бывать в круизах и по Черному морю, и в заграничных плаваниях. Каюты обычно двухместные. Сложились уже постоянные пары. Я, например, все время плаваю с нашим барабанщиком Валерой Ефремовым. Я ведь сам бывший барабанщик, и интересов общих у нас с ним много. То обсуждаем прочитанные книги и просмотренные кинофильмы, то молчим тупо об одном и том же. А когда уже совсем делать нечего, беззлобно ругаемся, кому наверху спать, а кому на нижней койке. Но сначала, как люди опытные, стараемся выбрать каюту поближе к середине корабля, потому что качает меньше, затем отверткой отключается громкоговоритель, так как ночью и утром над ухом орет непонятный голос: «Двенадцатому срочно к тринадцатому», а иногда «Четырнадцатому очень срочно к пятнадцатому». Потом Валера из привезенной из дома проволоки пристраивает к кондиционеру держатель, в который помещается пара бутылок воды, и мы имеем холодный лимонад. А было несколько случаев – даже выпивали алкоголь.

В Италии приходим в винную лавку. Глазастый Валерка быстро из всякой тухлятины на полке выудил бутылку «Алкоголь Пуро», то есть чистый спирт; на этикетке даже огонек изображен: мол, горячее.

Продавец даже ухом не повел. Мало ли для каких целей мы берем (в той лавке и лак, и бензин, и средство для мойки стекол продавались), потом услышал русскую речь – сразу смикитил.

– Нон посибиле! – кричит, то есть никак невозможно.

Да еще свои ручки пухлые на груди скрестил и зубы оскалил, как на табличке «Не влезай, убьет». Откуда только знает, что у нас на столбах написано.

Ну, нам-то что? Мы на «Солнцедаре» росли, камни можем есть. Пожали плечами, заплакали и пошли.

Продавец еще долго за нами бежал: АКВА, АКВА – это он на воду намекает. Значит, чтобы мы уж в крайнем случае водой разбавляли в пропорции один к ста семидесяти.

Не надо!!! Валера – химик по образованию, МГУ заканчивал, наверно, уж получше какого-то макаронника знает, где чего добавить.

В три секунды в каюте из одной бутылки «Алкоголь Пуру» шесть «Столичных» приготовил. Будут нас еще учить!!! Как видите, с умением и сноровкой быт наладить можно.

Вот только с Прибалтикой осечки случались.

Это все равно как вы собираетесь поднять очень тяжелый чемодан, напрягаете мышцы, делаете вдох-выдох, а он пустой – ну, в общем «разбежался и упал».

В Риге приходим в кафе. У нас в Москве его называли бы рестораном, а у них нет – кафе. Швейцар стоит – баки, как у собаки. «Прошу, господа», – говорит по-латышски. Ну, это нам вообще непонятно, хотели было уйти, но пообедать-то надо. Ладно. Зашли, сели. Подходит официант с внешностью и манерами владетельного гранда. Провозглашает меню по-латышски минут десять. Мы, конечно: «Извините, не понимаем». Он – ничего, даже не ударил. «Суп, – говорит, – и второе». Ну, диктовали мы ему то да сё, никак его не собьешь: стоит с каменной мордой, записывает. Наконец Сашка, чтобы его как-то из транс вывести, говорит:

– И, пожалуйста, четырнадцать стаканов чая...

Гранд одну бровь приподнял и спрашивает:

– С ложечками?.

В Таллин приехали в день какого-то еще всенародного праздника. Концерт только завтра, сегодня день свободный. На вечер ресторан заказан в гостинице «Виру», а днем по старому городу бегали, дыхание веков ощущали.

Я перед поездкой, еще в Москве, себе сапожки ковбойские справил, надел в Таллине с утра, хожу-радуюсь. Единственно, что постеснялся джинсы в сапоги заправить: слишком уж было бы «знойно».

За целый день набегались, ноги гудят, да я еще страшно натер себе икры новыми голенищами. Принял душ, лежу, отдыхаю. В 8 часов наш директор всех обошел, предупредил: форма одежды №1 (пиджаки, галстуки).

Настроение отличное. Я костюмчик надел, галстук повязал, полюбовался – то что надо, пусть эстонцы умоются. Сапожки натянул – шагу ступить не могу. Края голенищ прямо в больные места впиваются. И надо-то всего лишь носки высокие или там «гольфы», а где в полдвятого вечера возьмешь? Пошел по товарищам: нет ли у кого чулок длинных или колготок? Так нет.

Заплакал. Не в кроссовках же идти, да и не пустят: Европа чертова.

Открываю гастрольный чемодан: вот отвертка, вот нож – пока не то. Ба! Туалетная бумага! Обмотал на манер красноармейских портянок, надел сапожки под брюки – шикарно.

В ресторане сидим солидно: коньяк, шампанское, официанты скользят неслышно, оркестр шуршит что-то хорошее, красивые пары танцуют медленно.

Я даже девушку себе присмотрел, как положено – блондинку, дождался музычки повеселей, поклонился (знай наших), пригласил. Она книксен сделала, танцуем. Я вообще танцую очень хорошо, Макаревич все время хвалит, а тут партнерша попалась послушная, чувствую себя Джоном Траволтой из «Лихорадки в субботу вечером». Народ вокруг смотрит с уважением, даже круг немного для нас освободили, некоторые аплодировать собрались, еле сдерживаются. И тут я во время какого-то особенно удачного поворота опускаю голову и вижу, что

за моей правой ногой тащится примерно с метр туалетной бумаги. Что делать?! Вы бы, наверное, растерялись. Я – нет. Прижимаю партнершу к сердцу как можно крепче, чтобы хоть она не видела, делаю хитрое па и, как бы между прочим, наступаю левой ногой на бумагу, чем вытаскиваю еще полтора метра.

Тут и танец кончился. Я под видом поклона нагнулся, нагло оторвал проклятую бумагу и пошел спать.

На выходе у швейцара спрашиваю:

– Зачем все-таки вы в слове «Таллин» в конце вторую букву «н» начали добавлять?

Он говорит:

– Лучше вторая «н» в конце, чем «с» в начале.

На следующий день собрался я в гости к своему давнему другу поехать. А он, между прочим, Яак Йоала – лучший певец всех времен и народов.

Мы с ним однажды на гастролях в городе Хмельницке вместе случились. Вот он мне вечером после концерта звонит:

– Макс, ты что сейчас делаешь? Не можешь ко мне зайти, а то тут в гости пришли два мужика мощных, боюсь не справлюсь?

Я прихожу, смотрю – действительно мощные: пять бутылок принесли.

Яак показывает на здорового дядьку в тренировочном костюме.

– Знакомся, Макс, Николай Балясник – чемпион мира и Европы по поднятию тяжестей.

Коля застенчиво улыбается, потом схватил меня за руку, пожал рукопожатием, в котором гибнут все микробы.

– А это, – Яак показывает на второго мужчину в сером костюме серой рубашке с серым галстуком, – товарищ Тишков. Он милиционер и следователь, сюда на убийство приехал.

В общем, познакомились, сидим выпиваем. Мы с Яаком разговариваем, гости молчат: товарищ Тишков тайну хранит, а у Коли в голове одни штанги да гири.

На четвертой бутылке вышел казус. Товарищ Тишков вдруг в голос разрыдался. Мы спрашиваем: что случилось? Яак его утешает: бутылку показывает закрытую, что, мол, не все еще выпили, – даже Коля подошел, два роза по спине треснул.

Наконец, товарищ Тишков сквозь слезы говорит в таком смысле, что никто из сослуживцев ему не поверит, что он за одним столом с самим *Яком Юлой* и чемпионом мира (про меня, правда, ничего не сказал) сживал.

Ну, кое-как успокоили его, Яак афишу подарил, а Коля – гирю, дальше сидим. Коля пыхтел, пыхтел, потом:

– Знаешь, Яак, я никогда тебя не слышал, все времени не было. Спой чего-нибудь, ты ж певец.

А Яак не растерялся и говорит:

– Коля, ты ж чемпион. Подыми вот этот шкаф.

Даже товарищ Тишков улыбнулся. Стали прощаться. Тут Коля со шкафом подходит:

– Может, споешь, а?

Так вот, собрался я к Яаку в гости, а чтобы национализм какой не вышел, он мне еще раньше по-эстонски на бумажке написал название улицы и номер дома. «А если, – говорит, – заплутаешь, спроси у любого, где Йоала живет, – меня все там знают».

Сажусь в такси, говорю:

– Терё¹, – и дальше, как выучил по-эстонски.

¹ Здравствуйте (*эст.*).

Таксист оборачивается:

– Чиво, чиво?

Я по-русски объясняю, мол, около железной дороги.

Он опять:

– Куда тебя везти-то, сволочь?

Я вежливо:

– Ну, знаете, где Яак Йоала живет?

– Знаю, – говорит, – в Москве.

.....
В «Машине времени», как в любой другой группе, смекалка в большом почете, а пример в этом смысле всегда подавал Директор. Ему без конца приходилось улаживать всякие мелкие эксцессы и недоразумения, и он очень сильно в этом поднаторел.

В той же Прибалтике на концертных площадках, так же как и везде, самыми главными начальниками являются пожарные, которые «от нечего делать» у световиков и директоров кровь пьют просто литрами.

На сцене происходит расстановка аппаратуры и подвеска прожекторных ферм. Тут же расхаживает Директор и всем руководит. Как любой директор, он в тонкостях не очень разбирается, но на работе «горит» и искусство осуществляет.

Появляется стройная белокурая женщина в полувоенной форме, на высоком каблуке и с красной папкой – местная пожарница. С сомнением смотрит на цепи, фермы и, безошибочно обращаясь к Директору, говорит:

– Извините, пожалуйста. А цепи выдержат, докумэнты есть?

Директор, равно как и все остальные, понятия не имеет, какие тут нужны «докумэнты», но (на то он и Директор) горячо заявляет, что выдержат и что есть любые документы, но в гостинице.

Пожарница:

– Извините, пожалуйста! Пока не вижу документ, концерт не начинается.

Директор бежит в какой-то кабинет, берет бумагу и на машинке быстро отпечатывает:

АКТ об испытании цепей

ГОСТ ЦМ-21/324

от 25/5 1989

1. Испытание на разрыв в горизонтальной плоскости – 25 т
2. Испытание на разрыв в вертикальной плоскости – 23 т
3. В кислотной среде, вакууме, космосе и т. д. и т. п.

– всего девятнадцать пунктов. Подписал в трех местах, помял бумагу, даже ногой наступил и приносит «богине огня» якобы из гостиницы.

Очень убедительная бумага, но какие-то подозрения у женщины-капитана все-таки остались, и, чтобы их рассеять, она собрала весь свой эстонский сарказм и спрашивает:

– А не принадлежит ли эта грамота некоему Филькэ? Директор отвечает чистую правду (его-то самого Валерой зовут):

– Нет!

– Ну, тогда другое дело. Пожалуйста.

.....
Чем больше город, тем больше в нем начальствующих чиновников. Мы все вместе придумали начальственно-руководящую фамилию – Симак Николай Иванович. И если что, то в какой-нибудь инстанции Директор как последний довод говорил:

– Как же так? Ведь нам сам Николай Иванович Симак обещал!

Срабатывало почти безотказно. Один начальник особенно упирался, не хотел подписывать какую-то бумагу. Тут Директор ему и ввернул:

– А ведь нам Симак обещал.

Тот берет ручку, подписывает:

– Ну, если я сам обещал...

В Красноярске прямо с самолета – на концерт. Потом вечером в гостиницу. На улице —35 градусов. В номерах тоже очень холодно. Буфет закрыт, холод, неустроенность, выпить хочется страшно.

Наскребли немного денег. Швейцар говорит:

– Нету у меня, сынки, с удовольствием. Попробуйте у таксистов, хотя их тоже сейчас шерстят.

После получасового топтания на морозе посинели все. Нет не только водки, но и самих такси. Только одна машина стояла с самого начала с работающим двигателем, так там водитель сразу раскричался, что сам не пьет и вообще с этим делом борьба. Собрались идти по номерам. Тут он говорит:

– Ладно, повезло вам (оказывается, полчаса приглядывался, не провокация ли), – для брата берег. Вижу, ребята хорошие.

И достает бутылку из двигателя. Она горячая, как кипяток. Прибежали в номер, но как горячую пить – мы ж не японцы какие. Маргулис говорит:

– А смекалка на что? Вы дуйте за стаканами, а я пока на форточку ее пристрою охлаждать

Через пять минут собрались, кто со стаканом, кто так, с открытым ртом. Моргулис потянулся к форточке, а бутылка – раз! – и за окно с 6-го этажа птицей.

Минуты полторы били его, потом смекалка свое взяла. Гурьбой все вниз (некоторые, кажется, прямо из окна) выбегаем. Ночь лунная, на белом снегу темное пятно выделяется, и давай этот темный снег жрать, только стекла выплевывали.

Никогда бы в жизни пять человек с одной поллитры такими пьяными не сделались. Вот!

Сразу хочу сказать, что общенародное мнение, будто артисты очень много пьют, ошибочное. Пьют точно так же, как и все остальные, а может быть даже чуть-чуть меньше.

В Магадане, после концерта, подходит мужик загорелый:

– Очень мне нравится, – говорит, – ваше солнечное искусство. Я моряк, на палубу бряк, желаю вас сегодня на корабль пригласить, ребята будут очень рады.

Мы посоветовались и пошли втроем, а остальные спать: устали очень.

Корабль – немецкой постройки, в смысле ГДР. СРТ (средний рыболовецкий траулер), новенький, много автоматики. Команда собралась, 24 человека, только капитана не было: он с женой на берегу живет. Оказывается, пока они в море – сухой закон, а здесь сам бог велел. Мужик, который нас привел, коком оказался. Как начали они на стол метать: крабы натуральные, крабы запеченные, печень макроруса и т. д. Водка, конечно, рекой.

Слева от меня старпом сидит, серьезный мужчина – после капитана он здесь главный.

Сначала морячки всё столичных артистов послушать хотели, потом сами разошлись – не остановишь. Рассказали историю о том, как у них на корабле два щенка жили: белый и черный. Тайком от капитана: он не любил животных. И как гад-капитан на них в плавании наткнулся и приказал выбросить за борт. А потом через неделю корабль в порт пришел, а на пирсе два мертвых щеночка рядышком: море выбросило. И как потом в течение месяца погиб один блондинистый моряк, другой – брюнет.

Нам-то после таких дел и крыть нечем.

Тут наш Саша вдруг увидел, что нам наливать стали меньше. Толкнул меня в бок – что, мол, за понты. Мы – в обиду. Старпом застенчиво объясняет:

– У вас же завтра два концерта, мы думали...

– Вы о нас не волнуйтесь, – говорим, – все в порядке.

Справедливость была восстановлена, и старпом, чокаясь со мной, тихо говорит:

– Ты не думай, мы добра хотели, а так все нормально. Я, кстати, сам с Питера буду.

Ну, я, чтоб ему приятное сделать, спрашиваю:

– Неужели с самого?!

– С самого – не с самого, а с Парголова¹. Ты вот что. Сейчас наши напьются и повезут вас в Бухту Радости рассвет встречать. Я-то эти дела знаю: или на мель сядем, или вообще потонем, так что вы ни под каким видом! Сразу говорите, что завтра концерты. Мол, спасибо, но никак не можем, а то я эти дела знаю.

¹ Парголово – около 25 км от Питера.

У меня к нему сразу возникло теплое чувство; остальным передал, те тоже с благодарностью посматривают.

Минут через пятнадцать после того, как возникло чувство, старпом вскакивает (чуть меня со стула не сбил), глаза выпучены, как у того макроруса.

– А ну, семь футов вам под киль! Свистать всех наверх, везем ребят в Бухту Радости!

Мы, конечно: нет, спасибо, завтра два концерта и т. д.

– Никаких концертов! Отдать все концы в воду...

В общем еле-еле отбоярились. Провожали нас всем пароходом, договорились, что завтра они на первый концерт придут.

На следующий день на первый концерт никто из них не пришел.

Только после второго у служебного входа стоит один – морда вся разбита, на груди разбитый фотоаппарат.

– Мне, – говорит, – повезло. Я у самого трапа заснул: идти было близко, – так что изви-
няюсь.

В «Машине» с этим делом всегда было очень строго: если выпить кто хочет, так только дома под одеялом. А если какой банкет солидный, то все выпьют по рюмочке, а потом Директор зыркнет глазом и объявляет:

– Спасибо большое! Мы больше не хотим! Мы практически вообще не пьем!

Очень на разных начальников и на иностранцев это сильное впечатление производило.

Но вот приехали мы в Испанию, в Барселону, по приглашению Коммунистической партии. Коммунисты тамошние не такие, как у нас: запросто в джинсах ходят и винцо испанское попивают. Сразу же устроили нам концерт в тюрьме, чтобы перед выборами престиж компартии повысить. Никогда не забуду. Сажу за пультом, а сзади мне двое испанских кабальеро в наколках в шею дышат, договариваются, каким способом меня моей советской шкуры лишить.

Ну, ничего, бог миловал. На следующий день культурная программа: рыбный ресторан, прогулка по городу и т. д.

Мы поначалу-то продолжали обычную «дуру» гнать, типа – спасибо, у нас это дома есть. А потом смотрим: они обижаются. Оказывается, чтобы нас хорошо принять, деньги со всех коммунистов провинции собирали. Мы быстро доказали Директору, что так вести себя – просто свинство, и стали нормально пить и есть.

Общение осуществлялось через переводчицу, молодую девочку, не знающую ни слова по-русски. Она немного говорила по-английски и переводила с испанского на свой слабенький английский, а мы с ее слабенького английского – на свой слабенький русский.

Около двух часов ночи она решила показать ночной бар, где, по ее словам, работал самый лучший бармен города. Он на память знает полторы тысячи рецептов коктейлей, и от головной боли, и для повышения потенции, и – самое главное – имеет под рукой все, чтобы эти самые коктейли воспроизвести.

Я этим вопросом особенно заинтересовался, и вот она меня подводит к стойке, а ребята пошли стол занимать.

Мужчина лет пятидесяти, с благородной сединой, зовут Мигель, наверное, в юности был жонглером, потому что стаканчики, бутылки и шейкеры у него над стойкой так и летают.

Он говорит:

– Буэнос ночас.

А я на всякий случай:

– Патриа о муэрте!

Девушка объясняет, что вот, мол, Макина де Тампо – советика. Я через нее наврал этому Мигелю, что еще в Москве о его чудном искусстве слышал.

Он рад, предлагает какой-нибудь коктейль за счет заведения. И тут я с ужасом понимаю, что не знаю ни одного названия; вертятся в уме «Даури» какие-то (это я позже вспомнил, что «Дайкири» – Хемингуэй очень любил).

Бармен показывает, что ничего страшного, может, у сеньора какой свой рецепт имеется.

Я смотрю: – у него за спиной бутылок триста сверкает, и все незнакомые. Наконец, любимый силуэт гостиницы «Москва».

Показываю на «Столичную» и три пальца. Он смотрит с уважением, наливает в узкий стакан. А ведь надо-то коктейль, да и на три пальца маловато будет.

Смотрю: – опять знакомая бутылка, джин «Бифитер», я такой у Макара на даче видел, там мужик на этикетке идет с палкой и в шляпе.

Чуть-чуть «Бифитера» – бармен улыбается: оценил мой тонкий вкус, собака. Опять маловато. Тут уж я, не мудрствуя лукаво, говорю:

– Давай еще две бульки «Столичной», и хорош! А потом для пафоса два кубика льда и соломинку.

Он доволен, я тоже. «Грасиас!» – и пошел. Пока шел до стола, все это выпил.

Бармен еще немного с нашей девушкой поговорил, она к нам присоединилась, а он собрался мой коктейль повторить – видно, в новинку ему.

Воровато озираясь, налил водки, джина, потом опять водки, попробовал – вроде не понравилось; потом просиял: конечно, а два кубика льда-то забыл. Положил два кубика, размешал, попробовал.

– Тьфу, – говорит по-испански, – какая гадость.

Так этого рецепта он в свои полторы тысячи и не записал.

Сам виноват: не надо было размешивать.

Проходит два дня. Все очень хорошо, сыграли еще один концерт, но, по мнению Директора, очень хорошо – значит плохо. Любимое выражение его было: «Что, жить хорошо стали?» Собирается собрание. Выступает Директор:

– С этого дня за границей могут пить только Андрей Вадимович, Александр Викторович и я, ваш покорный слуга. Остальные, то бишь Капитановский, Ефремов и Зайцев, выпивать права не имеют, штраф 700 песет.

Я прямо чуть сигарету не съел. Что же это такое? Деление на «чистых» и «нечистых»? Заяц потом отошел в сторону, шепчет:

– Пил, пью и буду пить!

А жили мы в симпатичной трехэтажной гостинице. Я в одном номере с Директором. Потолок у нас покатый, типа «мезонин», и в нем окно имеется, на крышу выходит.

Приходим в номер, я молчу: обижаюсь. Директор говорит:

– Ну чего ты? Тебе ж не пятнадцать лет!

Я: – Что за дела? Почему это Макару, и Кутикову, и тебе можно, а мне, к примеру, нельзя? Что за дискриминация такая?

– Потому что Андрей меру знает и за Кутиковым никогда ничего этого замечено не было. А я вообще, как ты знаешь, мало пью; ты же взрослый человек, а на тебя Зайцев смотрит.

Я говорю:

– Ты еще взрослей меня.

Он еще минут двадцать мне вкручивал, потом дверь запирает, достает «Лимонную» с винтом, которую из Москвы для контакта с Испанской компартией привез:

– На, наливай, пойми меня правильно.

Я смягчился, думаю: может, прав, – и тут кое-что в окне замечаю.

– Валер, – говорю, – у тебя среди родственников не было сердечных болезней?

Он говорит:

– Вроде нет, а что?

– Ты присядь, но всякий случай, – он садится, – а теперь обернись.

В плафоне над нашими головами двое «чистых», Андрей Вадимович и Александр Викторович, сидя на крыше, высунув языки, делают нам всякие рожи, видимо, «трезвые» абсолютно.

Директор посмотрел, спал с лица, говорит:

– Налей-ка, брат, мне тоже.

Так в Испании закончилась борьба за трезвость. Но потом в Союзе сильно продолжилась.

Директор вообще обожал собрания собирать и всякие судилища устраивать.

Приходит однажды на Росконцерт бумага из милиции: вот, мол, ваш работник Гуренков был задержан у станции метро, за киоском: мочился в неподобающем месте.

У нас собрание сразу, суд. А происходит между концертами, все есть хотят, но Директор настроен решительно. Наша костюмерша Танечка протокол ведет, подсудимый Гуренков, по кличке Дед, на скамье сидит. Директор прокурором выступает.

Дед – он, вообще-то, рабочий, колонки у нас таскает. Судить его можно как хочешь.

Директор долго прокурорствовал, описывал преступление Деда, потом говорит:

– Ну, что, Буренков, можешь сказать в свое оправдание?

Деду самому смешно, но говорит чистосердечно.

– Трезвый был. Искал туалет, сил больше не было, зашел за метро «Текстильщики», а там менты меня и ждали.

Директор говорит:

– Ну, кто хочет выступить? Случай безобразный...

А все на часы смотрят, как бы в буфете до концерта бутерброд перехватить.

– Нам это дело осудить надо. Позор проклятому Буренкову. Вот Андрей Вадимович в такой ситуации так бы не поступил, правда, товарищ Макаревич?

Макар, индифферентный, говорит, глядя на часы:

– Ну, почему?! Вот мне однажды приспичило, я зашел за Министерство культуры...

Так Деда и не расстреляли.

А в Испании еще случай был. Пошли мы с Андреем как-то вечером по Барселоне погулять. Он, когда настроение хорошее, даже в Союзе меня гулять берет, а уж в Барселоне сам бог велел.

В общем, оделись во все чистое, я даже брюки белые надел, и пошли. Ходим по центральному бульвару, впечатления впитываем, благо их полно, – вот оно, счастье-то.

Кругом акробаты всякие, фокусники и вообще большой праздник. Андрей идет, радуется, что не все прохожие его узнают и с автографами не надоедают, рассказывает мне, какая тяжелая жизнь у знаменитостей.

И тут как раз из толпы девица длинноногая к нам бросается. Андрюшка приосанился, за ручкой потянулся, а девица у меня на шее повисла, щебечет что-то на разных языках:

– Френч? Инглиш? Америка? – все старается выяснить, из какой страны такой видный парень, как я, приехал.

– Амур, амур, – говорит и на соседнее здание показывает: там, мол, у нее девичья светелка.

И вот здесь-то я начинаю соображать, что, возможно, она попросту несчастная проститутка, вынужденная в условиях суровой испанской действительности продавать за кусок хлеба свое барселонское тело.

Честно говоря, у меня до этого уже было несколько знакомых девушек, но мы же за границей, нам же нельзя; а уж когда я почувствовал, что она правой рукой меня особенно сильно за шею обнимает именно в том месте, где у меня замочек от моей тоненькой золотой цепочки расположился, тут я совсем против проституции настроился. Мужественно оторвал ее нежные руки от своей цепочки.

– Баста, – говорю, – никаких амуров.

Она огорчилось, но не сильно, и по принципу «с драной овцы – хоть шерсти клок» говорит, в смысле: мужчина, угостите папироской.

А это – всегда пожалуйста! Дал ей сигарету «Родопи» – пусть хоть насмерть отравится. У нее, у гниды, и огня не оказалось, дал.

Наконец она отвалила, мы дальше пошли. Я вздохнул облегченно: фу ты, напасть какая, ну, будет хоть о чем друзьям рассказать. Чувствую себя легко, а особенно легко себя чувствует моя левая рука, на которой еще недавно на ремешке красовались скромные часики «Картье», а тут – как испанская корова языком слизнула.

Кинулся назад, да девки той уж и след простыл.

Правда, я ее на следующий день видел: стоит на том же бульваре с четырьмя здоровеными громилами, смотрит на меня нагло. А у мужиков ейных глаза выпучены, как у тех быков, что в Испании на каждом углу за красными тряпками гоняются, – пришлось сделать вид, что первый раз ее вижу. Но все равно, когда проходил мимо, уллучил момент и подмигнул ей смело: носи, мол, на здоровье.

Через два дня я вынужден был новые часы купить, на таком мощном браслете, который можно только вместе с рукой оторвать. С тех пор много проституток пыталось с меня часы сорвать, ни у кого не вышло.

Я даже сейчас все это пишу, а часы те с браслетом на мне, как гвоздями прибиты.

Покупка часов сильно подорвала мои финансовые возможности. Очень хотел я в Испании курточку себе купить на молнии. Люблю на молнии: вжик – и готово. Но на оставшиеся деньги смог позволить себе только на кнопках. Кнопки такие тугие, стал застегивать и два ребра сломал.

Счастливые часов не наблюдают.

Пшикер

*«Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед...»
(Из песни)*

Наши мне про Пшикера все уши прожужжали: Пшикер то, Пшикер это, – но посмотреть его в деле все никак не удавалось.

А дело было вот какого рода. Значит, отбывал у нас воинскую повинность один такой солдат – Пшикер. Фамилия ему была Афиногенов, а Пшикером его солдаты прозвали за особую военную манеру выражаться.

Вот, например, идет старшина, все солдаты прячутся: как бы от него какой приказ не вышел, – и как на грех Афиногенов из-за склада №3 по своим делам выходит. Ну, старшина натурально:

– Воин, ко мне, аллюр 3 креста.

Афиногенов, – делать нечего, – подходит, ест глазами начальство. Старшина говорит:

– Слышь, Афиногенов, так тебя растак, значит, сейчас пойдешь к Парфенову, так его растак, возьмешь это белье долбаное с каптерки, так ее растак, и шмелем к майору Сурову, так его растак, в его замудонскую контору (так ее растак. – *Примеч. авт.*). Там берешь 6 комплектов и пульей ко мне, так меня растак. Понял, собака?!

У Афиногенова глазки голубенькие, вытянулся молодцевато:

– Есть, никак нет, виноват, так точно, товарищ командир!

И пошел курить анашу.

Старшина для порядку ему еще вслед крикнул:

– Смотри у меня, черт немытый! – Некоторое время постоял и сам пошел обедать.

Прошло дней десять. Ни старшина, ни сам Пшикер о белье (так его растак), естественно, и не вспомнили.

Потом встретились случайно. Тут за мной прибегают:

– Идем быстрее, Капитан, там Пшикер со старшиной разбирается.

В самое время поспели. Старшина ноги расставил, собой любитесь, говорит грозно:

– Афиногенов, так тебя растак, урод в жопе ноги, ты у меня на дембель инвалидом поедешь. Где белье? ЧМО ты китайское?

У Пшикера глазки небесные, бровки домиком, весь такой складненький:

– А я, товарищ старшина, все как вы сказали. Пошел, значит, белье, пшикер, лежит где. Том, пшикер, он ой! Страшное дело, какой пшикер. А я как на духу, пшикер. Белье, пшикер, Парфенов, Парфенов и Парфенов, пшикер, пшикер, товарищ, пшикер, старшина, пшикер. В общем, все, как вы сказали.

Старшина подумал минутку, осмотрелся, потом говорит:

– Чего?!!

Афиногенов доброжелательно:

– Ну я же вам объясняю! Пошел я, пшикер, туда-сюда, пшикер, белье-то надо, как вы приказали, пшикер. Вот какие дела, а пшикер – он там... Я говорю: «Сам товарищ старшина, пшикер, 6 комплектов пшикера», – а майор, пшикер, так точно, согласно уставу, белье, пшикер, в общем, благодарю пшикер за службу, пшикер и пшикер.

И пошел курить анашу.

Старшина немного постоял, кулаком загрозился для страху и опять вслед крикнул:

– Ну я, бля, твоему майору... – махнул рукой и пошел обедать. Подошли ко мне мои орлы однополчане, рот закрыли, говорят:

- Понял службу, салага?
- Понял, – говорю, – более или менее, а почему у старшины «Растак» – кликуха?
- А вообще-то Пшикера все офицеры почему-то старались избегать.

Капитан-то – это не звание у меня было, а прозвище, и родилось оно так.

Попал я однажды в военный госпиталь по подозрению на дизентерию – тогда половина полка животом мучилась. Ну, привезли меня ночью, положили в палату до утра. Лежу, сильно удивляюсь: палата на двух человек, на второй койке кто-то спит, одеялом укрывшись, на полу – ковер, на подоконнике – цветы, на тумбочке – небольшой телевизор! Ну, думаю, наконец-то наши солдатики дожили до нормального отношения. Уснул сладко, знамя полка снилось.

Утром будит сестричка: халатик крахмальный, каблучки-туфельки, – лезет теплой ладошкой за пазуху:

- Товарищ капитан, поставьте градусничек.

Я говорю:

- Ошибочка вышла: рядовой я.

Она улыбается:

- Никакой ошибочки, у нас все четко. Вот у меня написано: Капитан Овский.

В общем, через 20 минут я уже на 3-м ярусе в бараке с ребятами за дембель базарил.

А до этого у меня вообще кличка была – ВРАГ. Я до армии в «Машине времени» играл на барабанах. Очень известная уже тогда была группа, хотя и официально не признанная. И вот уже после того, как меня предательски забрали буквально в один день, в одном гэдээрэшном журнале FREI WELT появляются статья и крупная фотография «МАШИНЫ»: А. Макаревич, А. Кутиков, М. Капитановский, С. Кавагоэ – по-немецки написано, но все ж даже после военной академии прочитать можно. И вот ребята меня решили порадовать в моем далеком пограничном районе – выслали бандерольку с журналом.

Через каких-то два с половиной месяца вызывают меня в штаб. Большинство солдат за два года ни разу даже близко к штабу не подходят, а я еще на четвертом месяце – довольно страшиновато. Военная комната: сейф, шкаф у двери, стол и еще шкаф в углу. Двое очень крупных мужчин в форме. На столе какой-то немецкий журнал. Мужчины – замполит майор Криворот и высокий капитан-пропагандист (была такая специальность). Я стою, они курят. Потом спрашивают ласково:

- Кто будете?

Я приободрился:

– Воин Советской армии и флота Максим Капитановский, по вашему приказанию прибыл.

- Что же ты, сукин кот, не поставил нас в известность, что был в ФРГ, у них же Бундесвер. Второй, глядя в потолок, говорит:

- А ну-ка, Саш! Позвони в дивизию прокурору.

Я в страхе бормочу:

– Товарищи маршалы, какая ФРГ? Я же в немцев только в детстве играл, и то на стороне русских.

- Не надо петь военных песен, – это капитан-пропагандист.

- ФРАЙ ВЕЛЬТ – это свободный мир, как сам думаешь, Николай Иванович?

Тут шкаф в углу говорит:

– Я тя научу родину любить, ты – не советский воин, ты – враг; я таких в 42-м своей рукой к стенке ставил и... – выходит из тени на середину комнаты – чистый Вий. – Хорошо, что мы почту проверяем, а то мамыши несознательные то колбасу пришлют, то фотку бабскую, а враги тут как тут притаились.

Вышел к столу: косая сажень в плечах, ремни поскрипывают – командир полка Рэкс. Штаны на библейском месте топорщатся – я его тут же прозвал Эрекс, но не прижилась шутка: тонко очень.

Ничего мне за это не было, даже журнал через полгода отдали, только, бывало, Рэкс около оркестра (я тогда уже в оркестре служил) пройдет:

– Как, – говорит, – Враг, совсем империалистам проданся?!

Мы, конечно, все «ха-ха» включаем.

– Рады стараться, товарищ полковник.

Так вот, я сначала Врагом обретался, а уж потом Капитаном.

О Рэксе – особо. Потрясающий мужик был. «Рэкс» – это тоже кличка (уж не знаю за что!). У нас с ним отношения на короткой ноге. Не моей, конечно, – у него-то на три размера больше, чем тот год, когда он якобы всех к стенке ставил.

Я, вообще-то, его возраст прикинул – получалось, что в 42-м ему было от силы года четыре, так что своей рукой к стенке он мог ставить разве что ночной горшок. Но я привык людям верить, поэтому на всякий случай его побаивался.

И вот вызывает он однажды меня в ту комнату. Там майор Криворот и полный набор шкафов и сейфов. Рэкс:

– Ты, Враг, знаешь «Комсомольский прожектор»?

Я мысленно упал в грязь его лицом, но говорю:

– А как же, не у Пронькиных на даче (но в уме).

– Тут комиссия, штык ей в брюхо, через два дня. Замполит сказал, что ты рисуешь, как мороз на оконном стекле. Вот тебе фотоаппарат старлея Митрохина, ему жена из Новосибирска привезла, ну, та, которая потом с прапором Акишиным сбежала, но ты этого знать не можешь. Так вот: 2 пленки, аппарат, иди и снимай недостатки, потом пойдешь в клуб к Антсу Аарэ, к этому чухне, к врагу, которого я в 42-м ставил и не поставил. Он фотки напечатает, и вообще, а ты – «Комсомольский прожектор»... Одна нога здесь – другая там.

Я: – Есть, никак нет, виноват и служить легче будет!

– А щит стоит возле КПП – ржавая такая железяка, а то я тя своей рукой...

Впервые работа по нутру, иду с фотоаппаратом, как кинооператор Кармен, радуюсь, навстречу Пшикер.

– Ну, что, – говорю, – Пшикер, как оно, белье-то? – настроение у меня хорошее. Он посмотрел холодно:

– Пшикер, – говорит и пошел курить анашу.

Я потом с ним после дембеля встретился, ни разу этого чудного слова от него не услышал. Правда, он тогда вообще молчал.

Так вот, перво-наперво я достал два листа ватмана, склеил, пошел на КПП на «Прожектор» посмотреть: на двух столбиках стоит неправильной формы металлический лист. Ничего не понимаю. Покурил! Ага, вижу: контур Воина с прожектором просматривается, и еще место для недостатков. Достал краски, освежил – Воин классный, красномордый, в одной руке прожектор, другая на недостатки указывает.

Ну что вам сказать? Недостатки хорошие. И овощехранилище, где картошка гниет, и коровы на территории, и женщины гражданские с авоськами через полк на автобус дорогу срезают. А на КПП приказ вышел: баб не пускать; часовые роины насмерть стоят, правда, пять метров в сторону забор кончается и бабы там вперемежку с коровами проходят.

Я пал на колени, как перед невестой, сфотографировал.

Увлёкся, два дня не обедал, наконец, эстонский рыболов Аарэ – «печальный пасынок природы» – выдал мне 32 фотографии (из 64 совсем неплохо). Очень хорошо они легли на ватман – приклеил, отошел, как художник Куинджи от полотна «Ночь на Днепре», посмотрел:

текста явно не хватает. А я же еще и поэт. Мне стихи написать – что Рэксу двух дембелей отоварить.

Под каждой фоткой подписываю фломастером.
Про баб:

С авоськой женщин от прохода
Гоняет смелый часовой.
А вся рогатая порода
Проходит за его спиной.

Фото: около генштаба в канаве лежит пьяный мужик, гражданский. Стихи:

Совсем недалеко от штаба,
Там, где стоит наглядный щит,
Лицом к забору – к людям задом
Мужчина выпивший лежит.

И дальше – больше. Так я в недостатках поднаторел, что уже устно готов был комиссии докладывать. Ну ладно, поставил последнюю точку, полюбовался.

Жалко, думаю, посмотрит прохожий или какой-никакой китаец и плохо подумает, а ведь и достоинств полно. Вот, к примеру, два месяца назад была жестокая и бескомпромиссная борьба за чистоту. Рэкс так и сказал:

– Как увижу окурок на территории, так сразу его своей рукой и так далее. Короче, хоронить будем.

Не совсем было понятно, кого хоронить, но все равно по тону неприятно.

На следующий день окурок был сразу найден Рэксом прямо на ступеньках штаба. Хороший окурок, от «Явы» с фильтром – такой на солдатской кухне целую луковицу стоит. Сразу тревога – свистать всех наверх, а некоторых вниз, построение полка, парадный взвод с оружием. Четыре сержанта держат простыню, посередине лежит многострадальный окурок, весь полк похоронным шагом (Рэкс впереди) выходит в сопки на 4 км и хоронит усопший окурок под оркестр и выстрелы парадного (он же погребальный) взвода.

Отличные достоинства.

Постоял у «Прожектора» минут 20, труба пропела, – святое, – пошел обедать.

Как потом выяснилось, комиссия прибыла через час, и, хотя половина полка два дня для их банкета грибы в сопках собирала, дальше «Прожектора» не пошла: аккуратно сняли и удалились.

Дня через три сидим с ребятами в каптерке, курим – кто анашу, кто так, всякую дрянь. Разговоры ленивые. «Три П» – Петр Петрович Пунтусов – говорит:

– У нас в Барнауле строго. Вот меня под 8 Марта женщины из нашего барака послали за водкой. Я купил две бутылки, еду обратно но автобусе, бутылки в сетке – все видят; а в автобусе один мой знакомый с приятелем, я схожу, они за мной, здоровые черти: «Петь, дай бутылочку!» Я говорю: «Не, женщины просили». Они: «Мы твоих женщин...» Потом этот приятель хватить у меня сетку, хрясь об землю – одна вкусная и вдребезги. Я: «Вы чего?», – тут мой знакомый как даст мне в рыло и челюсть сломал.

Мы посочувствовали, как могли, спрашиваем: и все? Так и кончилось?

А Петя встает (он приноровился отруби в столовой забирать и в деревню продавать, наверно, уже пора было отруби везти) и пошел, зевнул так жизнеутверждающе:

– Ну почему? Ребятам знакомым сказал...

– Ну и как, набили едало-то?

Петя потянулся, говорит:

– Да не, убили на фуй.

Тут как раз прибегают:

– Капитан, тебя Рэкс сотоварищи ужас как ищут, давай ремень.

Рэкс, значит, был подполковник, но требовал чтобы полковником звали. Говорят, раньше, когда учил кого-нибудь из солдат родину любить, то мог свободно дать в курятник или даже ногой пнуть, чтоб служба медом не казалась.

Вот только однажды сунул он одному прапору в зубы, между прочим, выпускнику консерватории, факультета военных дирижеров, руководителю хора жен офицеров, а тот потом по запарке в хоре жене командира дивизии в песне «Красная гвоздика – спутница тревог» вместо первой партии вторую предложил. Тут-то все и открылось. Комдив вызвал Рэкса и сказал: «Нехорошо». С тех пор Рэкс прямого рукоприкладства избегал.

Но вызовет, бывало, какого-нибудь замудонца к себе в кабинет и начинает: «Я тя своей рукой... враг...» и т. д. А как доведет себя до состояния, что прямо из сапог выпрыгивает, то тут уж хватает за ремень и то об сейф приварит, то об схему трехгодичного победоносного рейда полка от деревни Козловки до пункта N (всего 5 км) – в общем, приятного мало.

Но на каждое командирское действие есть свое солдатское противодействие.

Вот они мне и говорят: «Давай ремень». Я уже все знаю, ремень даю. Ремень солдатский имеет одну особенность: его длину можно менять в зависимости от того, где служишь. К примеру, если хлеборезом, то – во, а если кочегаром, то – во.

Вот мне и делают ремень длиной сантиметров тридцать, потом два мордоворота его на мне застегивают и синего, как альпиниста от кислородного голодания при покорении Монблана, ведут под руки к Рэксу.

У Рэкса на ковре стою, ну ничего не соображаю. Воспринимаются только отдельные слова: родина, 42-й год, моя мать, прожектор, снова моя мать.

Пальцы у него толстые, кулаки, как бочонки, – эх, с каким бы удовольствием он меня по бивням звезданул, но вроде как нельзя, так он хват за ремень. А у меня талия, как у балерины Плисецкой, когда она только что шесть лишних кг сбросила. За ремень-то никак и не ухватишь.

– Вон, – кричит, – отсюда до утра, а там я тя своей рукой...

Я, конечно, потом подумал как следует, понял, что у него, наверное, неприятности из-за недостатков были. Долго потом совесть мучила, что не дождался комиссии у «Прожектора». Рассказал бы хоть на словах и про достоинства, ну хоть про те же похороны окурка.

.....
Я вот все – анаша, анаша. Не подумайте, что в армии наркоманы все. Просто она, конопля эта самая, прямо на территории росла: Дальний Восток все-таки, – так что идешь с политзанятий, руку протянул и пожалуйста. Гораздо легче, чем любого другого курева достать.

Ее и в газеты заворачивали в виде самокруток, и пыльцу собирали, а однажды Пионер принес из медсанбата трубку клистирную; мы кальян сделали – все честь по чести. Сидишь, как эдакий Турумбайбей, кальян потягиваешь, только одалисок с баядерками и не хватает.

Пионер, между прочим, тоже интересный фрукт был. Сначала-то обыкновенным солдатом обретался, а потом раз отрабатывал отдание чести начальству и умудрился не то сломать, не то как-то там сложно вывихнуть руку. А накладывал ему гипс такой же болван, как он сам, и загипсовал руку в положении пионерского салюта (типа всегда готов). Получился вылитый пионер – всем солдатам пример.

Больным он считался ходячим, вот и шатался, где ни попадая, – всех приветствовал. Красивое зрелище – правой рукой человек всем салют отдает, а левой анашу курит или там вафли ест, вот до кальяна и додумался – все способнее. Он, вообще, все время вафли ел, где доставал – уму непостижимо, может, из дома присылали?

– Ты, – говорит, – Капитан, осознаешь хотя бы силу вафлей? Вот сколько, к примеру, думаешь, мне лет?

Я прикинул слегка:

– Ну, полтинник.

– Дурак ты, – говорит, – и сволочь...

И пошел с Пшикером курить анашу и вафли есть.

В общем, эти вафли, тьфу черт, ну, анаша эта, вреда большого не приносила, потому как листики сырые, необработанные. К такому куреву и не привыкаешь, а настроение маленько улучшается.

Вот у нас подсобное свинское хозяйство было, так свиньи этой конопли нащиплются, ходят потом, улыбаются.

А один раз анаша даже косвенную пользу принесла в политическом смысле.

Была неподалеку от нас погранзастава. Стояла она от других застав несколько особняком и считалась образцово-показательной. Короче говоря, если на других заставах действительно наши рубежи охраняли, то на этой образцово показывали, как это нужно делать.

Личный состав состоял сплошь из спортсменов-разрядников и здоровяков, а командир был дважды или трижды мастер по разным видам спорта.

Проходил там службу один воин с Украины, которого в образцово-показательные взяли за человеческую красоту и природную силу. Солдаты его со свойственным армии юмором метко прозвали Хохлом.

Парень он был огромный со зверской выправкой, и некоторое время им сдержанно гордился командир, но не разглядел вовремя в нем человека. А человек этот сошелся близко с одним узбеком и ну самозабвенно курить анашу, которую из дома в письмах узбеку брат присылал. Анаша фирменная, узбекская – не чета нашей, и они очень сильно от нее дурели.

Потом узбеку дембель вышел. Грустно им, богатырям, расставаться было. На прощанье накурились «до дерева»; узбек Хохлу тибетейку и запас анаши на шесть месяцев подарил, а тот ему тоже семечек насыпал.

Сильно скучал Хохол без этого узбека. Накурится в хлам и бродит по заставе, как зомби, в дорогой тибетейке и без ремня.

Потом ему этого показалось мало, и начал он тогда всех окружающих бить. Не то чтобы уж очень крепко собратьев по оружию поколачивал, а так уныло как-то: то кому ногу вывихнет, то глаз закроет. Все равно прямому начальству это вроде не понравилось, хотели было под трибунал отдать, а потом думают, зачем сор из избы выносить, показатели портить; пять месяцев оставалось терпеть-то, ну и приставили к нему шесть человек сержантов; как полезет всех бить – они навалятся, скрутят и в каптерку молодца под бушлаты. И спит он там, своего любимого узбека во сне видит.

Мы-то были – полк поддержки пограничников. Это значит, если китайцы через границу попрут, то мы пограничников поддерживаем.

Поэтому нам отцы-командиры старались привить сильную бдительность, и на политзанятиях в большом ходу была леденящая кровь история о том, как коварные китайцы похитили зазевавшегося тракториста и подвергли его зверским пыткам, а потом нагло заявили, что он-де сам перебежал.

Китайцы иногда в пределах прямой видимости (в бинокль, конечно) махали приветственно руками, но знающий замполит сказал, что на китайском языке жестов это означает угрозу, ну, как бы, когда мы друг другу кулак показываем.

Так что я лично китайцев сильно боялся, особенно когда один приятель из батальона связи шутки ради рассчитал, что если их пустить через границу в колонну по четыре, а в районе Барнаула поставить пулемет, который будет все время стрелять и их убивать, то все равно они будут идти ВЕЧНО. Очень уж их много.

Но служба службой, а дружба дружбой.

Раза 2 – 3 в год наши пограничники встречались с китайскими дружить.

Осуществлялась дружба в основном на той самой образцово показательной заставе, где последнее время бесчинствовал Хохол.

Делалось это обычно так: китайцы приезжали, человек 30 – 40, тоже, наверно, не простые, а специальные, потому что уж больно раскормленные. Споят свое мяу-мяу, затем наша самодеятельность из выпускников Московской и Ленинградской Консерватории грянет «Полюшко-поле» или «Непобедимая и легендарная», а иногда уж вытаскивался на свет божий такой монстр, как «Русский с китайцем – братья навек», но без слов – инструментально.

Далее следовал совместный обед, естественно, составленный из обычного рациона советского воина: ну, там, фрикасе всякие, почки-соте и бульон с профитролями; затем два часа для общения.

Перед каждой такой встречей устраивался инструктаж в том смысле, что плохие китайцы в Пекине сидят, а те, которые приедут, вовсе даже и ничего, а может, среди них и вообще нормальные имеются. Очень важно было это внушить, чтобы наши орлы сгоряча сразу всех не постреляли. Но и переусердствовать тоже нельзя: а ну как целоваться бросятся.

Вот после обеда общение началось. Сидит наш увалень сержант, а китаец ему всякие штуки показывает: вот, мол, воротник – китайский барс, а вот нож специальный пограничный – 32 лезвия: и патрон застрявший из патронника выковырять, и операцию на глаз сделать. Смотрел на него наш, смотрел. И показать-то, и похвалиться-то ему нечем. Хотел сначала китайцу в лоб дать для убедительности, потом инструктаж вспомнил.

– Давай, – показывает, – на руках бороться.

Китаец с удовольствием. Раз! И к столу нашу руку припечатал. Сержант губу закусил:

– Давай еще!

Китаец и второй раз его легко уложил – сидит улыбается, сволочь. Вокруг них собираться стали, дело начало принимать политический оборот. Подошел замполит, гиревик и кандидат, пнул сержанта под столом сапожищем, отодвинул.

– Он у нас больной, недоношенный, – говорит по-китайски. Китаец – ничего, понял, опять улыбается, даже поклонился немного.

Замполит, конечно, не то что сержант, за два дня до этого гаубицу об колено на спор согнул. Китайцу-бедолаге несладко пришлось. Целых 6 секунд понадобилось, чтобы замполита завалить.

Командир заставы понял: его черед пришел престиж страны спасать, а то китайцы веселятся, а наши того и гляди затворами защелкают. И дело-то, в сущности, простое, а то ведь как его начальство за замполитову гаубицу ругало, пришлось тут же на месте выпрямлять.

Наши все приободрились, смотрят соколами: сейчас старлей этому покажет.

Что такое?! Китаец опять – бац! – и улыбка до ушей. Видно, приноровился гад к нашей манере.

Старлей запястье потирает, бледный, как полотно, говорит в сторону:

– Хохла сюда, живо.

Притащили Хохла из-под бушлатов. Он со сна ни по-русски, ни по-китайски не понимает; засадили кое-как за стол, он только тюбетейку поправил и – хрясь! – и сломал китайцу руку, открытый перелом, даже косточка через рукав вылезла.

Хохол тут же на него кинулся, все норовил совсем руку напрочь оторвать, полумеры его уже никак не устраивали. Ну, отобрали китайца с трудом, утащили Хохла в каптерку, но он еще долго по дороге продолжал всех его волокущих бить. Каков молодец!

Китаец за руку держится, зубами молча скрипит, стойкость азиатскую демонстрирует, но когда узнал, что сержант под шумок ножик у него тот чудный спер, тут уж заорал в голос.

Так анаша помогла Хохлу его подвиг совершить, а стране нашей честь свою не уронить.

Однажды одна очень интеллигентная женщина Александра Алексеевна пришла в гости к другой очень интеллигентной женщине Юлии Леопольдовне.

– Здравствуйте, уважаемая Юлия Леопольдовна!

– Здравствуйте, дорогая Александра Алексеевна! Проходите, пожалуйста, чай только что вскипел.

– Спасибо! – Александра Алексеевна прошла и села к столу, на котором расположились чайник, чашки и несколько вазочек с вареньем.

– Вам вишневого, как всегда? А то вот есть земляничное. Свеженькое.

– Спасибо, дорогая, попробую земляничного.

– Как ваши дела, здоровье?

– Спасибо, хорошо. А ваши? Что от мужа слышно? Как он там?

– Да слава Богу! Основной срок уже отмучился. Не так много осталось.

– Что-то не пойму, много ему ещё сидеть-то?

– Ну вы же знаете. Дали ему два года, вот он год и две недели уже отсидел. Еще чашечку?

– Всё ж не дойдет до меня никак! Ему меньше сейчас осталось, чем он просидел или нет?

Тут Юлия Леопольдовна воровато оглянулась, расправила веером длинные костлявые пальцы и низким утробным голосом произнесла:

– Ну с *горы*, с *горы* покатылся хорёк ебáный!

Потихоньку-полегоньку прошло более года, я покатылся с горы и из салаги и «фазана» превратился уже почти в «старика» и имел полное право начать систематическую и всепоглощающую подготовку к тому, что для солдата важнее всего, – к дембелю. Не зря под огромным плакатом на плацу «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено» прилепилась надпись от руки – «Дембель неизбежен, как крах капитализма» В. И. Ленин.

Подготовка к дембелю заключалась в изготовлении и разрисовке дембельского альбома и в подгонке и придании наиболее молодцеватого вида дембельскому обмундированию.

Все зависело от материальных возможностей и художественного вкуса демобилизуемого.

Обложка альбома, желательно бархатная (вот почему в клубе были вынуждены заменить занавес на тряпчатый), обычно украшалась тигриной мордой: все-таки уссурийский край, – а содержание варьировалось в зависимости от фантазии и настроения полкового фотографа, в мое время – прапорщика Антса Аарэ. По примеру своих братьев эстонцев, поднаторевших в европейской культуре, он сделал нечто вроде солдатского фотоателье с декорациями. Он также изготовил из дерева макет автомата, который большинство солдат после присяги и в глаза не видали, покрасил его чернилами, и за два рубля или банку тушенки вы могли послать любимой или друзьям свою фотографию с закатанными рукавами и автоматом. Или благодарственную фотографию мамаше около невразумительного флага, исполняющего обязанности полкового знамени.

В большом ходу была и такая сценка: на фоне сопоток воин с автоматом и со зверским выражением лица охраняет рубежи, а вдалеке видны две-три китайские рожи.

Что касается дембельской формы, то это – особый разговор.

Начнем с пилотки. Тут дело сложное. До сих пор ученые всего мира не могут прийти к согласию. Мир разделен на две части, как у писателя Свифта по поводу очистки вареного яйца – на остроконечников и тупоконечников, только в нашем случае – на «затылочников» и «лбешников». «Затылочники» упорно считают, призывая в свидетели военно-морской флот, что наиболее заливчато пилотка сидит на затылке, почти на шее, куда она прибавается специальным гвоздиком, а «лбешники», в свою очередь, предлагают опускать пилотку на нос и в крайнем случае придерживать языком.

Есть еще немногочисленная и всеми презируемая экстремистская партия «височников», рекомендуемая носить убор на ухе, но, как уже говорилось, их всерьез никто не принимает.

Все это относится и к фуражкам, только в фуражку вставляют специальную металлическую конструкцию, с помощью которой тулья в профиль образует почти прямой угол, вызывающий нездоровые ассоциации с немецким рейхом. Звездочка в обоих случаях сгибается под тем же прямым углом.

К такому идеалу стремились почти все защитники Родины, за исключением некоторых воинов-кавказцев, чьи состоятельные родители присылали им на «дембель» заказные фуражки диаметром до полутора метров; злые языки утверждают, что был случай, когда на такой убор сел пограничный вертолет.

Ниже головы у дембеля обычно находится китель, борта которого украшены белым электрическим проводом, бархатом и медными заклепками. Погоны должны были быть маленькими и армированы 3-миллиметровой сталью; из-под правого погона к третьей пуговице должен спускаться аксельбант, свитый из красивой веревки. Некоторые дураки, не сведущие в аксессуарах, перепоясывались аксельбантом на манер портупей, другие засовывали свободный конец в карман, а красавец Пионер, с которого гипс так и не сняли, уехал на «дембель», держа конец аксельбанта в правой пионерской руке.

Хорошо иметь молодцеватую грудь, осмотреть всю ширину которой можно только повернув голову на 180 градусов. Тогда на груди свободно умещается целая коллекция воинских значков. Тут и военный специалист 3, 2 и 1-го классов, и бегун-разрядник, и парашютист-затяжник, и чемпион-стрелок из всех видов оружия, включая торпеды. Приятно освежает наличие значка «Гвардия» и малопонятного «Береги Родину», а при удаче можно рассмотреть притаившегося подмышкой «Донор СССР».

Хороший пример в этом смысле тогда подавал глава нашего государства, поэтому, чтобы заявиться в родной колхоз при «полном параде», значки начинали собирать и выменивать задолго до демобилизации.

Брюки ушивались до состояния колготок, так что стрелки отглаживать было бессмысленно, и они рисовались шариковой ручкой.

К сапогам пришивались вторые голенища, и по длине они были похожи на обувь Фанфана-Тюльпана или певицы Ларисы Долиной; после чего при помощи утюга геометрически сплющивались, укорачиваясь раза в четыре, и мучительно напоминали куплетную гармошку «Концертино».

Прибавим сюда каблучки-рюмочки, кропотливо выточенные холодными дембельскими вечерами из тяжелой армейской резины, алюминиевую ложку с наборной «финской» рукояткой и затейливой военной вязью «Ищи мясо, сука!», а также ремень, свисающий до положения «Покорнейше благодарю», – вот приблизительный собирательный портрет дальневосточного дембеля.

Два раза в год, в начале лета и зимы, полк начинало лихорадить. Приходило пополнение, и уезжали домой отслужившие.

Замполит полка, майор Криворот, доставал из сейфа свою верную, острую, как бритва, саперную лопатку, ладно пристегивал ее к поясу и выходил на свободную охоту.

Ушлые дембеля старались, конечно, ему на глаза не попадаться, шарахались по каптеркам, но майор обладал незаурядным сыскным нюхом и сноровкой, так что его рейды всегда заканчивались успешно.

Происходило примерно так.

Увидев раздетого в пух и, конечно же, в прах красавца-дембеля, майор зычным командирским голосом командовал:

– Воин! Ко мне!

Несчастный уже издали начинал ныть:

– Ну, товарищ майор... два дня до дома осталось. Ну, товарищ майор...

– Я сказал – ко мне, капельдудкин фуев.

Убранство дембеля с аксельбантами и т. д. километров с трех действительно могло напоминать форму военных музыкантов на параде, так что замполит, слабо представлявший себе тонкую разницу между капельдинером и капельмейстером, в охотку щеголял остроумием.

– Три приседания, жи-во!

Место, вообще-то, очень напоминало Гревскую площадь, а сцена – «Утро стрелецкой казни».

Приговоренный делал три приседания, после чего его колготки причудливо рвались по всем швам; а майор гробовым голосом приказывал:

– На колени, – и вынимал лопатку.

Когда я увидел все это в первый раз, мне показалось, что я сплю. Я отчетливо представил, как покатится буйная головушка осужденного, как осядет, повалится вбок обезглавленное тело.

И вот, широко, как профессиональный палач, расставив ноги, замполит высоко поднял лопатку (как принято в таких случаях писать), ярко сверкнувшую на солнце, рубанул на выдохе и... покатались в сторону каблучки, и осело, повалилось вбок голоное, укороченное на 8 см тело.

Каблуки, конечно, подбирались сочувствующими зрителями, а колготочность в брюках вечером восстанавливалась первым попавшимся салагой, и полностью реанимировался лихой дембельский облик.

Ничто и никто, даже товарищ майор Криворот, не может убить в человеке тягу к прекрасному.

.....
Рэкс вообще-то крепко уважал себя за красноречие. Обычный вечер смеха – полковое построение.

Стоим в полукаре (это как квадрат с тремя сторонами – четвертую-то дизентерия выкосила), Рэкс – в середине.

Ну, как водится, первая шеренга – одни молодые, недавнего призыва воины, и хоть накурившиеся, но одеты всё-таки по форме: в сапогах и воротнички застегнуты. Вторая – уже по полгода прослужили: и стоят посвободнее, и расхлыстаны поболе; третья и четвертая – уже кое-кто без ремней и в кепках. Пятая и шестая – стоять, видимо, не могут, так, в трениках да в кедах, с транзисторами на травке Японию слушают. Рэкс неожиданно докладывает:

– Вы – не советские воины, вы – враги. Я таких в 42-м своей рукой к стенке ставил.

Вот дизентерия напала. А почему? Гигиены нету. Вам для чего в частях газеты выписывают, а?! По три-четыре газеты на взвод, а некоторые враги, которых я в 42-м, сами знаете, куда ставил, всё жопу пальцем вытереть норовят, а потом в рот тащат. – И ногой топнул два раза для убедительности.

Я эти дела знаю. Мне этот палец в рот не клади! – И дальше в том же духе выступает.

Смешно, конечно, очень, но ничего, стоим, внимаем.

– Где дисциплина, я вас спрашиваю? Вот позавчера пошли два замудонца по самоволке в Козловку за водкой, я ее в 42-м... А как пошли?! Через танковый полигон, а там новые огнеметы испытывают. Вот убьют такого мудака, а он потом скажет: «Я не знал!...»

В это время к Рэксу со спины подходит огромная толстая свинья, их много, обжевавших конопли, у нас шаталось, останавливается метрах в полутора, стоит, слушает зачарованно.

Свинья, надо сказать, отменная: пятак большой, глазки смышленные, хвостик витка три насчитывает.

Рыло-то разинула, с копытца на копытце переминается заинтересованно, по всему видать, очень ей по свинскому сердцу эта рэксова речь приходится.

Конечно, уже первые ряды волноваться начали, отдельные всхлипы раздаются, кое-где рыдания сдержанные.

Рэкс радуется: настоящее искусство всегда найдет дорогу к сердцу слушателя.

Тут к нашей свинье подходит племенной хряк – матерая ветчина, и, натурально, вступает с ней в половой свинский секс, воспетый в павильонах свиноводства.

Свинина покосилась недовольно: чего, мол, слушать мешаешь? – но ничего, похрюкивает. Ну, чистая свинья! В общем, не очень сильно они этому делу предавались, лениво так, чтобы времени зря не терять.

Тут уже среди воинства закричал кто-то, тонко так, по-звериному; повалились некоторые, а кто до этого лежал, вскочили.

Рэкс, наконец, резко повернулся. Он и всегда-то лицом красен был, а тут вообще багровым сделался и дальше менял колер по принципу «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Сказать ничего не может, только тычет толстым пальцем в ближайшего сержанта, а другой рукой в сторону новобранных удаляющие жесты делает.

Молодчага-сержант сразу понял. Подошел, печатая шаг, и как пихнет Джульетту в грудь сапожищем. Они, оскорбленные в своих худших чувствах, опешили, тогда сержант, решивший не останавливаться на достигнутом, нанес влюбленным такой прицельный «марадоновский» удар, что парочка вылетела с противоположного конца плаца на пять метров впереди собственного визга.

Рэкс дух перевел, вытер пот, говорит:

– Молодец!!!

А сержант:

– Служу Советскому Союзу!

Мне на гастролях часто снятся дорогие моему сердцу Пшикер, Хохол, Пионер, старшина Растак, Рэкс. И даже прапорщик Митрохин, которого я никогда не видел, но с которым убежала жена старлея Акишина, тоже, видимо, хорошего человека. Но видение двух военных свиней, наверняка уже жестоко съеденных, навеивает неизъяснимую грусть. Тогда я наливаю стакан водки и пью за их светлую память.

Zagranitsa

Курица – не птица...
(Начало поговорки)

1986 год. Наконец-то после стольких лет первая заграница. Польша.

Сначала несколько собеседований. Мы в костюмах и галстуках, начитавшись до одури последних газет и трясаясь, как абитуриенты при поступлении в институт, по очереди сидим перед комиссией.

Бог знает из кого эта комиссия состояла: из активистов, ветеранов партии, фронтовиков, а иногда и просто примазавшихся бездельников.

Вопросы, вопросы: последняя речь Горбачева, положение на Ближнем Востоке – насколько я знаю, том положение всегда было напряженным, – роль компартии в мировой тусовке.

Правильные ответы определяли вашу потенцию для поездки: а вдруг подойдут в Польше на улице и спросят:

– А какие союзники были у фашистской Германии во Второй мировой войне?

А вы как раз и не знаете. Или:

– В каком году состоялся съезд «победителей»?

А вы говорите:

– Чего-то я не в курсе, – это ж какой позор! Любой поляк может вам тут же в морду плюнуть, и престиж нашей страны упадет донельзя.

Валера Ефремов и наша милая костюмерша Танечка ходили пересдавать, т.к. неточно назвали союзников, остальных Бог миловал.

Особенное внимание уделялось личной жизни выезжающего. К тому моменту я был уже давно разведен, но должен был толково объяснить, по какой причине.

Само собой разумелось, что советский человек если уж создал семью, то обязан ее сохранять, а то опять же вдруг за границей спросят – что тогда?

Было абсолютно ясно, что вопросы о съездах партии и о сложном отношении израильских группировок к палестинскому движению лишь предваряли главный вопрос. О причине развода.

Ну, конечно. Ведь на все остальные вопросы члены комиссии уже более или менее знали правильные ответы, и чисто по-человечески понять их было можно.

Каждый раз у меня бывало сильное искушение свалить все на дуру жену, которая не знает на память «апрельские тезисы», но я вовремя спохватывался, обычно краснел и отвечал, что причины моего развода лежат в области компетенции *медицинских* органов.

Многочисленные взгляды, которыми обменивались члены комиссии, показывали, что это политически самый правильный ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.